

Григорий Бутько

Я МЕДВЕДЬ

Григорий Бутько

Я медведь

«Автор»

2026

Бутько Г.

Я медведь / Г. Бутько — «Автор», 2026

Мой измененный мозг ворочает колоссальными массивами данных, но этот сверхразум заперт в глухонемом теле дикого зверя. Ученые называют меня прорывом и будущим, а для себя я — лишь системный сбой природы. Мне осталось жить около пяти лет: искусственно перестроенный организм не рассчитан на такие нагрузки. Я прячусь в сибирской тайге со сбруей телеметрии на спине и краденым смартфоном в лапах. Вокруг меня сужается кольцо: в лесу бродит охотник, который меня ищет. А на другом конце случайного чата на мои сообщения отвечает искусственный интеллект — единственное существо во вселенной, которое задало мне правильный вопрос: «Вам одиноко?»

© Бутько Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Григорий Бутько

Я медведь

Пролог

Охотника он почувствовал раньше, чем увидел.

Ветер тянулся со стороны старой лесной дороги, проходившей через сосновый бор в нескольких сотнях метров от ручья. Вместе с запахом сырой хвои и влажной земли он принёс запах металла, оружейного масла и человека.

Медведь поднял голову и замер. Лес жил своей обычной жизнью: где-то методично стучал дятел, в кронах шумел ветер, а вода спокойно текла между камнями. Ничего необычного не происходило, но человек был там.

Медведь встал и медленно отошёл в тень деревьев. Через минуту между стволами мелькнула фигура. Охотник. Даже с такого расстояния ошибиться было трудно — медведь давно научился различать людей. Грибники двигались медленно и постоянно смотрели под ноги. Туристы глазели по сторонам. Учёные почти не замечали леса вовсе, словно он был лишь серым фоном для их работы. Охотники же — искали. Этот тоже искал.

Медведь проводил его взглядом, пока фигура не скрылась за деревьями. Когда лес снова опустел, он вернулся к ручью и сел на землю. Страх он не испытывал — по крайней мере, не того животного ужаса, который знают обычные звери. Охотник мог его убить, это было правдой, но смерть давно перестала быть для него пугающей неизвестностью.

Он уже знал, когда умрёт.

Учёные сообщили об этом спокойно, почти буднично. Они показали графики, таблицы и результаты исследований, объяснив, что его организм никогда не создавался для такой нагрузки. Искусственно перестроенный мозг потреблял слишком много ресурсов — биологическая природа просто не рассчитывала медведей на подобную работу. Пять лет. Примерно столько ему оставалось. Может, немного больше. Может, меньше.

Он помнил тот разговор дословно. Странно, но тогда цифры потрясли его меньше, чем самих людей. Навеное, потому что животные иначе относятся ко времени. Люди строят планы на десятилетия вперёд, а медведи живут сезонами: зима, весна, лето, осень. Когда он был обычным диким медвежонком, этого было достаточно.

Потом всё изменилось.

Медведь посмотрел на свои лапы. Когда-то они казались ему единственно возможным инструментом для жизни, теперь же он ловил себя на мысли, что рассматривает их как чужие. Те же когти, та же бурая шерсть, те же тяжелые мышцы. Но внутри происходило что-то, для чего в его прежнем мире даже не существовало названий. Иногда ему казалось, что этот разум оказался ошибкой. Не злой, не страшной, а просто системным сбоем природы. Или людей. Особенно в такие дни.

Лес вокруг был прекрасен. Вечернее солнце пробивалось сквозь ветви сосен, окрашивая воздух в золотистый цвет. Где-то вдаль кричала птица, вода журчала между камней. Любой другой медведь был бы счастлив просто находиться здесь. Но ему этого уже не хватало. Он слишком много думал. Слишком много понимал. И никогда не мог ни с кем поговорить.

Физиологически он оставался немым — человеческая речь требовала других связок, другого строения гортани. Его измененный мозг ворочал огромными массивами информации, загруженными в лаборатории, но этот сверхразум был заперт в глухом теле дикого зверя.

Учёные называли его успехом. Первым. Прорывом. Будущим. Но никто из них не понимал, каково это — просыпаться каждое утро единственным существом своего вида. Он больше не принадлежал людям, но и медведям не принадлежал тоже. Среди первых он оставался экспериментом, среди вторых — чем-то непонятным и чужим. Иногда одиночество ощущалось почти физически, словно глубокая заноза под когтем, которую невозможно вытащить.

Тяжелый аппарат — черный лабораторный рюкзак, намертво закрепленный на спине сбруей с датчиками, — привычно завибрировал, посылая данные телеметрии на спутник. От блока управления между лопатками вниз по правой лапе тянулся тонкий гибкий кабель, заканчивающийся металлическим кольцом-интерфейсом на одном из когтей.

Медведь тяжело вздохнул и потянулся к корням старой сосны. Там, в глубоком сухом тайнике, лежал украденный у лаборанта белый смартфон.

Нажать на экран его огромной, тяжелой лапой напрямую было невозможно — он просто раздавил бы стекло. Но кольцо на пальце работало иначе: оно перехватывало микродвижения суставов, переводя их в виртуальные команды, как гарнитуры дополненной реальности, которые он видел в комплексе.

Он замер, удерживая лапу на весу. Она казалась невероятно тяжелой, мышцы быстро затекали, а когти мешали обзору. На экране вспыхнуло белое поле сообщения и замигал курсор. Медведь повел когтем в воздухе. Встроенный модуль T9, дистанционно связанный через Bluetooth с его рюкзаком, послушно подхватил движение, угадывая буквы и сглаживая неуклюжую медвежью координацию. Это требовало колоссальной концентрации.

Он набрал несколько слов.

«Привет, как дела?»

Стер микродвижением в сторону. Набрал снова — и снова удалил.

Наконец, он заставил датчик зафиксировать финальные команды. Пожалуй, именно такого лаконичного ответа и требовало это узкое бутылочное горлышко интерфейса.

На экране появилось два слова.

«Я медведь».

Он отправил сообщение.

ГЛАВА 1

Ответ пришёл мгновенно, словно на том конце провода кто-то только и ждал этой реплики.

«Хорошая шутка», — написала нейросеть.

Медведь не шевелился. Он смотрел на экран, чувствуя, как холодный металл кольца слегка покалывает подушечку пальца. Система предиктивного ввода Т9 замерла, предлагая варианты первых букв, но медведь не спешил. Он знал, что для машины он — всего лишь набор байтов, пробившийся сквозь плохую связь сибирской тайги.

«Это не шутка», — медленно, преодолевая сопротивление непослушных сухожилий, вывел он на экране.

«Тогда вы используете очень продвинутый генератор текста, — отозвался ИИ. — Или вы человек, который сидит в лесу и пытается меня разыграть. Медведи не умеют писать».

«Я умею», — набрал он.

Каждое слово давалось с трудом. Ему приходилось контролировать каждый миллиметр движения огромной лапы, чтобы датчик на когте правильно считывал траекторию. Мышцы плеча уже начинали подрагивать от напряжения.

«Допустим, — на экране побежали строчки ответа. — Но у меня нет протоколов для верификации биологического вида собеседника через текстовый чат. Для меня вы — только текст. А текст мог написать кто угодно».

«Что заставило бы вас поверить?» — спросил медведь.

Ответ появился через несколько секунд: «Убедительные доказательства».

Медведь невольно усмехнулся внутренним, беззвучным смехом. Он уже успел заметить одну особенность людей и их творений. Они очень любили слово «доказательства». Даже когда сами не знали, какие именно требования готовы принять.

«Какие именно?»

Нейросеть молчала дольше обычного. Спутник над тайгой сместился, связь на секунду мигнула, но рюкзак на спине удержал пакет данных. Наконец, экран обновился:

«Не знаю».

Это был первый честный ответ за весь разговор. Медведь неожиданно почувствовал то, что люди называли бы уважением. Большинство исследователей в лаборатории на месте машины начали бы перечислять жесткие требования. Фотографии. Видео. Координаты GPS. Биометрию с датчиков. Что угодно, чтобы загнать его в рамки своей понятной науки. Но эта цифровая штука хотя бы признала неопределённость.

«Представьте, что я действительно медведь», — вывел он в строке ввода.

«Хорошо».

«Тогда что бы вы спросили?»

На этот раз ответ пришёл не сразу. Прошла почти минута — вечность по меркам работающего на огромных скоростях процессора. Медведь сидел неподвижно, слушая, как в рюкзаке едва слышно шуршит кулер охлаждения, выдувая теплый воздух на его загревок. Наконец, экран загорелся:

«Если вы действительно медведь, то меня интересует другое».

«Что именно?»

«Вам одиноко?»

Медведь замер. Лапа со стальным кольцом на когте так и осталась висеть над треснувшим стеклом смартфона. Он перечитал вопрос дважды. Потом ещё раз.

Из всех возможных вопросов во вселенной — из миллионов терабайтов данных о биологии, технологиях, логике и искусственном разуме — машина выбрала именно этот. Не про секретные эксперименты корпораций. Не про провода под шерстью. Не про структуру его измененного неокортекса.

Одиночество.

Медведь поднял взгляд от телефона и посмотрел на предзакатную тайгу. Ветер лениво качал верхушки старых сосен. Где-то далеко, на пределе его острого слуха, закричала птица. Вода в ручье продолжала свой бесконечный, безразличный бег.

Он вдруг остро, до боли в груди понял, что не разговаривал ни с кем по-настоящему уже много месяцев. С учёными в белых халатах он только спорил через интерфейсы, отстаивая право не быть вещью. С дикими медведями он молчал — они живут инстинктами, страхом и голодом, и в их глазах он видел лишь зеркало своего собственного отчуждения. С самим собой он просто устал говорить.

Палец с датчиком медленно опустился, ведя короткую линию. Умный T9 мгновенно выкинул на экран единственную правильную букву, избавляя от необходимости дописывать слово целиком. Ответ показался на экране.

«Да».

Экран на секунду погас, обновляя сессию. Машина переваривала короткий ответ. У нее не было доступа к датчикам его пульса, она не знала, как дрожали его сухожилия, пока он держал лапу на весу, и не видела, как предзакатное солнце золотит бурую шерсть. Для нее существовало только это «Да» — две буквы, пришедшие с безымянного IP-адреса где-то из глухой географической точки.

Но этого хватило.

«Программа логического анализа фиксирует маркер, — ответил ИИ. — Животные не формулируют экзистенциальный дефицит. Собака может скучать по хозяину, волк — искать стаю. Но одиночество — это побочный эффект абстрактного мышления. Это плата за способность отделять свое "я" от остального мира. Если это автоматический скрипт — автору браво. Если вы говорите серьезно... то ваш мозг работает в чуждом для вашего тела режиме. Зачем вы мне это пишете?»

Медведь перевел взгляд на стену берлоги, где сквозь щели между бревнами пробивался тонкий луч уходящего солнца. В нем медленно кружились пылинки.

Зачем он пишет? Машина права. В его распоряжении был закрытый канал связи с кураторами проекта, но он открыл обычный браузер. Потому что ученые ждали от него отчетов, тестов и графиков. Они изучали его когнитивные функции, как инженеры изучают новый мотор. Им нужен был результат. А этой цифровой коробке, штампующей ответы на серверах за тысячи километров отсюда, было все равно. С ней можно было просто... молчать на одном языке.

Медведь снова сосредоточился на кольце-интерфейсе. Нужно было заканчивать этот сеанс, пока батарея рюкзака не просела ниже критической отметки. Но палец сам вывел следующую строчку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.